

МЕТАФИЛОСОФИЯ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Васильев Вадим Валерьевич – доктор философских наук, профессор.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1.
e-mail: vadim.v.vasilyev@gmail.com

В статье рассматривается предыстория современных метафилософских исследований и дается обзор наиболее важных направлений последних. Обсуждается понимание философии классическими и неклассическими авторами и очерчивается траектория метафилософских дискуссий в аналитической философии. Показано, что активизация метафилософских исследований в аналитической традиции объясняется поисками новой идентичности аналитической философии после разочарования в «лингвистическом повороте», критики У. Куайном и его последователями различных аспектов метода концептуального анализа и расширением предметного поля исследований. Оценивается роль Т. Уильямсона в новейших метафилософских исследованиях. Рассматривается его книга «Занимаясь философией» (2018), главные идеи которой излагаются им в статье «Кабинетная философия», опубликованной в этом номере журнала. Показано, что исследования Уильямсона подчеркивают значимость выбора между растворением философских методов в методологии экспериментальных наук и обоснованием правомерности кабинетной философии, перед которым стоят современные философы.

Ключевые слова: метафилософия, философия философии, экспериментальная философия, метафизика, кабинетная философия, концептуальный анализ

METAPHILOSOPHY: HISTORY AND PERSPECTIVES

Vadim V. Vasilyev – DSc in Philosophy, professor.
Lomonosov Moscow State University.
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.
e-mail: vadim.v.vasilyev@gmail.com

In this paper I discuss a prehistory of the recent metaphilosophical research and provide an overview of its most important areas. I review the ways of understanding of philosophy by the authors of the Early Modernity and contemporary continental philosophers and outline a trajectory of metaphilosophical discussions in analytic philosophy of 20th century. I try to show that the recent surge of metaphilosophy research in it could be explained by a search for a new identity of analytic philosophy after wide disappointment in the “linguistic turn,” as well as after criticism of Quine and his followers of various aspects of the common method of conceptual analysis, and expansion of the field of inquiry. I argue that contemporary analytic philosophy is much closer to the classical and modern tradition than to the early analytic philosophy. And the most important question for contemporary metaphilosophers seems to be a question about possible substitutes of an old-fashioned conceptual analysis. Some authors propose to get rid of armchair methods at all and follow experimental line of research. This, however, could be destructive to the philosophy as a separate discipline. That’s why it is important to pay utmost attention to those philosophers who try to save armchair philosophy. As Timothy Williamson is one of the most interesting authors working in this vein, I assess his role in the recent metaphilosophical research. I give a brief review of

his book "Doing Philosophy" (2018) and draw attention to the fact that its main ideas are briefly expressed in his paper "Armchair Philosophy", published in this issue of the journal. I claim that the importance of Timothy Williamson's work is best explained by its role in realizing that philosophers now have to make a hard choice between dissolving philosophical methodology in methods of experimental sciences and trying to find way of justification of armchair philosophy.

Keywords: metaphilosophy, philosophy of philosophy, experimental philosophy, metaphysics, armchair philosophy, conceptual analysis

Этот выпуск журнала посвящен метафилософским дискуссиям. Слово «метафилософия» пока не очень привычно российским философам, хотя сам этот термин употреблялся еще в начале XIX в. кантианцем К.Л. Рейнгольдом [Reinhold, 1803, S. 208], а в 2010 г. академик Т.И. Ойзерман опубликовал обстоятельную монографию с таким названием [Ойзерман, 2010]. Между тем эта дисциплина в ее современном понимании обсуждает различные аспекты вопроса, с которым многие из нас знакомы с университетской скамьи. Вопрос этот в самом общем виде звучит так: «Что такое философия?» В студенческие годы, в конце 80-х – начале 90-х гг., и сам я часто слышал его, обычно при обсуждении научности этой дисциплины. Участники этих споров могли горячо отстаивать ненаучность философии, как будто ненаучность – это достоинство. Впрочем, такие слова воспринимались многими как вызов господствовавшему в советские времена диалектическому материализму, для которого было характерно понимание философии как науки о «наиболее общих принципах и законах бытия и познания» [Мысливченко, Шептулин, 1988, с. 11]. Восходящий к трудам К. Маркса и Ф. Энгельса диалектический материализм был многим обязан также спекулятивному идеализму Г.В.Ф. Гегеля. Но Гегель пытался дедуцировать подобные законы из чистого спекулятивного разума, тогда как марксистские философы делали упор на практику, а значит на опыт. При этом они редко обсуждали вопрос об эпистемическом статусе универсальных законов бытия и познания, не желая признавать их гипотетическую природу (что выглядело бы логичным при допущении их эмпирической базы) и не видя путей избежать этого [см., напр., Мысливченко, Шептулин, 1988, с. 136, 138; Бессонов, 1989, с. 259].

Стоит, впрочем, отметить, что не все сторонники диалектического материализма соглашались с таким пониманием философии. Т.И. Ойзерман в упомянутой выше работе, к примеру, отвергает эту трактовку, хотя и причисляет себя к диалектическим материалистам [Ойзерман, 2014, с. 245–246]. Он понимает философию как совокупность мировоззренческих убеждений по фундаментальным вопросам, имеющим то или иное аксиологическое измерение [Ойзерман, 2014, с. 76; см. также Богомолов, Ойзерман, 1983, с. 62]. Это понимание он подкрепляет

метафилософским анализом. Оригинальность подхода Ойзермана, развивающего идеи М. Геру [см. Кротов, 2017], но полемизирующего с его плюралистическим восприятием истории философии, состоит в своеобразном совмещении метафилософских и историко-философских изысканий [Ойзерман, 2015, с. 24]. Такое решение объясняется тем, что предметом как истории философии, так и метафилософии является философия. Можно, конечно, возразить, что эти дисциплины обсуждают данный предмет по-разному: история философии позволяет понять, чем когда-то была философия, а метафилософия проясняет, чем она является сейчас или чем она должна быть. К тому же историк философии занимается скорее конкретными философами, а не философией как таковой, не идеей философии в отличие от метафилософа. Впрочем, на это можно ответить, что метафилософ в любом случае не может обойтись без эмпирического материала, даже если он рассуждает о философии в нормативном ключе. А история философии как раз и поставляет такой материал, помогающий увидеть за частностями философских теорий некие сущностные черты, которые нужны метафилософу для нормативных рассуждений о философии, для рассуждений о том, какой она должна быть.

Вернемся, однако, к спорам о научности философии в советский период. Противники диалектического материализма нередко искали ориентиры во французской философии середины XX века. Французские мыслители того времени тоже были озабочены метафилософскими темами. Истоки их озабоченности были связаны с тем, что эти авторы в большей или меньшей степени порывали с классической философской традицией, пробовали новые пути и, соответственно, искали свою новую идентичность. Знаменитая работа Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Что такое философия?» лучше всего иллюстрирует такие поиски, а позиция ее авторов, трактующих философию как «искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты» [Делез, Гваттари, 2009, с. 6] явно идет вразрез с ее классическим пониманием.

Французская философия середины XX в. была самой крупной ветвью «континентальной философии» и произрастала в основном из идей М. Хайдеггера. Именно этот философ более всего ответствен за успешное закрепление в философском пространстве последнего столетия стилистики неклассического, или континентального, философствования. Неудивительно, что и сам он размышлял о природе философии и философствования. Как и многие другие континентальные философы, он не разделял научного видения философии. Скорее, он считал ее поэтическим делом, которое может выводить нас в просвет подлинного бытия [Хайдеггер, 1993; с. 192]. Интуиции Хайдеггера повлияли на самых разных философов, от Ж.П. Сартра до М.К. Мамардашвили и В.В. Библихина [Мамардашвили, 1992, с. 30; Библихин, 2007, с. 243–245, 332, 374].

Классическая философская традиция, между тем, успешно пережила кризисные времена, охватившие целое столетие с середины XIX в. В наши дни эту традицию продолжает самое мощное философское движение современности – «аналитическая философия». Впрочем, аналитическая философия начиналась во многом с критики классической философии, и ее основатели – Дж.Э. Мур, Б. Рассел и Л. Витгенштейн – считали себя скорее революционерами, чем консерваторами. Через сто лет, однако, стало очевидным, что их революционный пыл был направлен лишь на некоторых классических предшественников этих мыслителей. Ядро же аналитической программы, как оказалось, хорошо сочетается с классической философией.

Классические философы – Платон, Аристотель, Декарт, Юм, Кант и др. – разумеется, не игнорировали вопрос о природе философии. И многовековые дискуссии сформировали некое подобие консенсуса в ее понимании. Не стоит, конечно, забывать, что само слово «философия» употреблялось порой очень широко, и при обсуждении трактовок философии классическими мыслителями под философией обычно подразумевается «первая философия», или метафизика. И указанный консенсус касался прежде всего нее. Под метафизикой в эпоху ее расцвета в XVII и XVIII вв. понимали науку, включавшую в себя онтологию, т. е. науку о самых общих характеристиках сущего и первых принципах познания (ее именовали также «общей метафизикой», *metaphysica generalis*), рациональную психологию, общую космологию и естественную теологию [Baumgarten, 1763, pp. 1–2]. Три последние дисциплины составляли «частную метафизику», *metaphysica specialis*. Внутри этих дисциплин обсуждались такие фундаментальные темы, как вопрос об основных структурных компонентах сущего (субстанциях, модусах, отношениях и т. п.), природа и границы человеческого познания, природа сознания и проблема взаимодействия души и тела, свобода воли и моральная ответственность, вопрос о сущности материи и границах физической реальности, а также доказательства бытия Бога и отношение Бога к миру и человеку.

Все перечисленные проблемы рассматривались в научном ключе. Метафизики Нового времени стремились к строгости и доказательности своих теорий. Нельзя при этом сказать, что они использовали единообразные методы. Какие-то классические философы, к примеру Декарт или Спиноза, отдавали предпочтение дедуктивной методологии, выстраивая метафизику по образцу математики, какие-то, в частности Лейбниц и Вольф, осознанно прибегали к метафизическим гипотезам (таким как гипотеза предустановленной гармонии между душой и телом). Были и такие, которые пытались построить «истинную метафизику» по образцу экспериментального естествознания. Это прежде всего Д. Юм. Можно встретить и тех, кто, подобно И. Канту или Г.В.Ф. Гегелю, искали для философии какую-то новую методологию. Но еще раз стоит подчеркнуть, что

этих мыслителей объединяло понимание философии как более или менее строгой науки.

Именно это обстоятельство роднило с классическими философами основателей аналитической традиции. Первые аналитики, впрочем, негативно относились ко многим разделам традиционной метафизики. И они резонно полагали, что проблемы этой дисциплины были связаны с какими-то дефектами в ее методологии. Из таких соображений выросла знаменитая лингвистическая программа ранних аналитических философов. Путь к оздоровлению философии, к ее избавлению от старого метафизического балласта лежит, уверяли они, в области анализа высказываний. Одним из самых эффективных приемов такого рода они считали сведение абстрактных теоретических конструкций к базовым «протокольным предложениям», фиксирующим опытные данности. Этот прием получил название метода верификации. Не подлежащие верификации высказывания объявлялись бессмысленными. Сведением к бессмыслице ранние аналитики пытались бороться не только с традиционной метафизикой, но и с новыми подходами Хайдеггера [Карнап, 1998]. Вскоре, однако, выяснилось, что метод верификации проблематичен, что при широкой трактовке верифицируемости верифицируемым оказывается всё, а при узкой из числа верифицируемых положений выпадают, к примеру, формулировки всеобщих законов природы [Soames, 2003, pp. 271–299]. Кризис верификационизма размывал лингвистическую идеологию ранней аналитической философии и заставлял усомниться в правомерности критики первыми аналитиками ряда областей традиционной метафизики. Постепенно это привело к возрождению интереса аналитической философии к широкому кругу привычных метафизических проблем. В последние десятилетия количество интересных работ по онтологии и эпистемологии, по проблемам сознания и свободы воли и даже по философской теологии резко возросло. Большинство современных аналитиков, между тем, чувствуют себя преемниками первых аналитических философов. Но от них, конечно, не могут ускользнуть те глубокие изменения, которые произошли за это время с аналитической философией. Она явно стала другой. И эти изменения заслуживают серьезного анализа. По сути, речь идет о поисках новой идентичности аналитической философии. Эти поиски роднят ее с аналогичными, но более ранними разысканиями континентальных мыслителей. А актуализация проблемы идентичности философии не может не сопровождаться актуализацией вопроса «Что такое философия?». И мы видим, что в последнее время аналитические философы все чаще пишут об этом. Развитие этой области исследований предполагает и закрепление за ней какого-то названия. Главным кандидатом оказывается термин «метафилософия». И хотя он не вызывает всеобщего одобрения – некоторые предпочитают говорить о «философии философии» [см. об этом

Overgaard, Gilbert, Burwood, 2013, pp. 10], – его достоинства перекрывают его недостатки, и прежде всего тот его проблематичный аспект, что название «метафилософия» наводит на мысль, будто сама эта дисциплина не является философской. В самом деле, «мета-химики» едва ли ставили бы химические эксперименты, а «метафизика», как мы понимаем, никоим образом не может быть названа одним из разделов физики. Но метафилософия кажется философской дисциплиной. И все-таки не стоит преувеличивать значимости этой проблемы: с оговорками термин «метафилософия» можно использовать.

Но в каком же направлении идут поиски новой идентичности аналитической философии? Объективно, напомним, новейшая аналитическая философия сближается с классической философской традицией, для которой характерно понимание метафизического ядра философии как совокупности дисциплин, в которых доказательно обсуждаются фундаментальные мировоззренческие проблемы, от природы человеческого сознания до существования Бога. И если мы проанализируем репрезентативные метафилософские тексты последнего времени, то мы увидим, что именно такая интерпретация природы философии выходит в них на первый план [см., напр., Overgaard, Gilbert, Burwood, 2013, pp. 21–22]. Но нельзя не заметить, что она дается аналитическим авторам не без труда. Причины их затруднений можно уяснить, приняв во внимание ряд обстоятельств. Во-первых, зачастую они проводят свои изыскания, учитывая не только аналитическую, но и континентальную традицию. И это можно понять. Ведь их интересует общий вопрос: что такое философия? Едва ли можно отвечать на него, игнорируя континентальных мыслителей. Но если не игнорировать их, обозначенное выше понимание нельзя будет толковать как изображение фактического положения дел. В лучшем случае его надо будет интерпретировать в нормативном ключе. А это создает дополнительные трудности, так как нормативные дискурсы предполагают отсылки к ценностям, но неясно, почему эпистемические ценности (которые можно связать со стандартными приемами и методами аналитиков) должны быть выше художественных (которые культивирует континентальная мысль). Во-вторых, сближение с классической традицией предполагает изменение устоявшегося отношения аналитических философов к истории философии. Хотя представление о резком неприятии ранними аналитическими философами историко-философских исследований [Preston, 2007, p. 29, 74], несомненно, является мифом (хотя бы потому, что основатели этого движения, Дж.Э. Мур и Б. Рассел, были в том числе и историками философии: Мур защитил две диссертации по учению о свободе воли у Канта [Moore, 2011, pp. 1–94, 115–242], а Рассел еще за полвека до своей «Истории западной философии» написал монографию по философии Лейбница [Russell, 2005]; первое изд. 1900 г.), в целом ранние аналитики, и правда, не очень

интересовались ею. Оправданием их безразличия была их уверенность в том, что они занимаются чем-то принципиально иным. Но постепенно картина самовосприятия аналитических философов изменилась. Измениться должно было и их отношение к истории философии. От старых привычек, однако, непросто избавиться.

Но самая большая проблема, стоящая перед новейшими аналитическими метафилософами, связана с утратой аналитической традицией четких методологических ориентиров. Ранние аналитики придавали большое значение анализу высказываний. Философские исследования, считали они, должны начинаться с вопроса: что вы хотите этим сказать? Понятно, что такой вопрос можно адресовать лишь каким-то другим людям, в том числе и прежде всего философам. Такое понимание философского метода неявно предполагает, что предшествующие мыслители не задавали подобных вопросов и поэтому запутались в своих теориях. Задавая же их, мы сможем распутать их затруднения. Причем для этого не надо будет обращаться к самим вещам. Философские трудности заключены не в мире, а в том, как мы осмысляем этот мир. Поэтому и разрешить их можно прояснением наших мыслей, кабинетным концептуальным анализом [см., напр., Мооре, 1942, р. 14].

Трудность, однако, в том, что концептуальный анализ подвергался в последние десятилетия критике. Все началось со статьи У. Куайна «Две догмы эмпиризма», где проблематизировалось различие аналитических и синтетических положений [Куайн, 2000, с. 342–367]. Аналитические положения (или суждения) традиционно понимались как утверждения, проясняющие наши понятия, синтетические – как расширяющие их. Синтетические истины поставляются нам опытом и экспериментами, аналитические же могут добываться априори, в кабинетной тиши. Куайн, однако, показывал, что у нас нет оснований допускать существование содержательных аналитических истин, так как на деле они скрывают в себе тот или иной опытный синтез.

Критика Куайна имела большие метафилософские последствия. Концептуальный анализ вышел из моды. Аналитические философы стали в большей степени ориентироваться на экспериментальные науки, либо толкуя их результаты (образцовым исследователем такого плана является Н. Блок [Block, 2007]), либо пытаясь указывать науке какие-то ориентиры в передовых областях (здесь в первую очередь вспоминаются труды Д. Деннета [см., напр., Dennett, 1991]). В последние годы эмпирический крен аналитической философии был усилен новой программой «экспериментальной философии». Экспериментальные философы предлагают философам уже не только толковать результаты, полученные другими экспериментальными учеными, но и самим ставить эксперименты. Вдумавшись в идеи экспериментальных философов, мы, однако, заметим, что они, по сути,

предлагают провести демонтаж философии как самостоятельной дисциплины. Толковательные аспекты философии могут стать составными компонентами конкретных наук.

Неудивительно, что некоторые аналитические философы восстали против экспериментальной философии. Но успех этого восстания невозможен без убедительного решения методологических, т. е. метафилософских проблем. Вектор подобных решений в целом ясен: философам надо показать достоинства кабинетной философии и подтвердить ее претензии на самостоятельность. При этом надо так или иначе реформировать традиционный метод концептуального анализа. Даже если куайновская критика и может быть нейтрализована, в изначальном виде он не кажется каким-то мощным инструментом: прояснение словесных конструкций едва ли может способствовать решению фундаментальных метафизических проблем, которыми вновь увлечены аналитические философы. Ведь эти проблемы связаны не со словами, а с вещами, с миром в широком смысле, в устройстве которого хотели разобраться метафизики с времен Платона.

Попытки защитить кабинетную философию от угроз экспериментальной философии предпринимаются самыми разными аналитическими философами, но трудно отрицать, что наибольший вклад в обсуждение этих вопросов внес оксфордский логик и философ Тимоти Уильямсон (р. 1955). Получивший известность своими исследованиями по эпистемологии (по итогам недавнего опроса британского журнала *Philosophy Now* Уильямсон вошел в тройку самых значимых из ныне здравствующих философов, наряду с С. Крипке и Д. Чалмерсом), в частности изучением феномена неопределенности понятий и уточнением дефиниции понятия знания, он распространил свои интересы и на метафилософию. Именно он является автором статьи для панельной дискуссии в этом номере журнала. Статья Уильямсона иллюстрирует реализацию некоторых пунктов его большой программы переосмысления методов кабинетной философии. В более полном виде она рассматривается в двух монографиях этого автора: «Философия философии» [Williamson, 2007] и «Занимаясь философией» [Williamson, 2018]. Эти книги отличаются друг от друга своими подходами к изложению материала (первая имеет гораздо более технический характер) и шириной охвата (вторая предлагает гораздо более масштабную палитру приемов). Сам Уильямсон рекомендует использовать «Философию философии» для детализации некоторых идей, высказанных в книге «Занимаясь философией». Так что же мы видим в этой книге?

«Занимаясь философией» — это развернутый ответ на вопрос «Что такое философия?». Уильямсон обсуждает соотношение философии и здравого смысла, философии и истории философии, экспериментальную философию и концептуальный анализ, мысленные эксперименты, дедуктивные и абдуктивные приемы в философии

и ее междисциплинарные аспекты. Перечисленные темы выглядят достаточно разнородными, но это не мозаичное собрание эссе. Ведь по итогам прочтения книги у читателей формируется цельный образ философии. Важная его часть – приземленность. Философия должна отталкиваться от здравого смысла и сверяться с ним. При этом она больше похожа на математику, чем на экспериментальное естествознание. Этот тезис нужен Уильямсону, чтобы провести мысль о возможности кабинетной философии. Кабинетная дисциплина вполне может быть наукой: никто ведь не отрицает научности математики, кабинетность которой не вызывает сомнений. И почему так не может быть с философией? [Williamson, 2018, р. 4] Конечно, математика более зрелая наука, чем философия. Зато философия более критична. Об этом, по мнению Уильямсона, свидетельствует не только то, что ее естественной средой обитания являются споры и дискуссии, но и увлеченность многих философов историей философии. Он связывает такую увлеченность со стремлением философов взглянуть на себя со стороны, из контекста других эпох, – чтобы лучше понять предпосылки современных дискуссий и подвергнуть их критическому анализу. Впрочем, хотя перепроверка собственных оснований – важное дело, не надо забывать, считает он, и о построении на этих основаниях новых теорий. И здесь, по его мнению, предстоит еще немало сделать для прояснения методологических принципов их создания. Традиционные методы кабинетной философии – концептуальный анализ, дедукция и мысленные эксперименты – не лишены проблем. Наименее перспективным из этих методов Уильямсон считает концептуальный анализ. Вслед за Куайном он сомневается в существовании чисто концептуальных истин [Williamson, 2018, р. 47]. Кроме того, концептуальный анализ ведет нас к подобию словарных дефиниций, но философы хотят создавать теории об устройстве мира, а не определять термины. Если говорить о дедукциях, то в философии их можно использовать для объяснений и для выведения следствий из уже имеющихся теорий, но они едва ли могут приводить к их созданию. Более мощным инструментом для создания и отбраковки теорий могут быть мысленные эксперименты. Уильямсон убедительно показывает, что расхожая критика мысленных экспериментов безосновательна. Мысленные эксперименты иногда упрекают в экстравагантности. Но ведь они завязаны на представление гипотетических ситуаций, а визуализация гипотетического хода событий – обычная практика повседневной жизни. Кроме того, мысленные эксперименты хорошо зарекомендовали себя в других областях науки. Что же касается критики мысленных экспериментов со стороны экспериментальных философов, экспериментально подкреплявших ее данными о том, что многие из них опираются на предвзятые интуиции кабинетных философов, то Уильямсон уверяет, что их громкие заявления были следствием плохо поставленных опытов

и не подтвердились проверками, проведенными профессиональными психологами [Williamson, 2018, р. 64]. В известном смысле этого и можно было ожидать.

Между тем, Уильямсон вовсе не считает мысленные эксперименты лучшим методом кабинетной философии. Философы, опирающиеся на них, склонны умножать их число, корректировать одни из них другими и т. д., что приводит к переусложнению их теорий [Williamson, 2018, р. 81]. А ведь простота является одним из главных критериев предпочтения конкурирующих идей. Поскольку метод мысленных экспериментов ведет к усложнению теорий, он нуждается в балансировке.

Но чем можно дополнить и уравновесить мысленные эксперименты при построении философских теорий? Уильямсон дает понять, что знает ответ на этот вопрос. И этот ответ: моделирование. Теоретические модели – это чаще всего абстрактные объекты, описывающие соотносительные изменения каких-то параметров. Чем строже такие описания, тем интереснее кабинетно «играть» с моделью. Модель не стремится к полному соответствию с реальностью. Она пытается выделить ее сущностные черты. Насыщенность реальности информационным шумом, делающим маловероятным отыскание таких высокоуровневых универсальных законов, которые описывали бы все нюансы того или иного типа объектов, как раз и заставляет ученых прибегать к моделям в тех областях науки, где рассматриваются разного рода сложные системы. К числу таких систем, несомненно, относится и человек. Поскольку же, по Уильямсону, философия по большей части говорит о человеке, метод построения моделей вполне может подходить ко многим ее разделам.

Важной особенностью метода построения моделей является его устойчивость к контрпримерам. Модели не боятся контрпримеров, так как они изначально допускают их, не стремясь к точному воспроизведению реальности [Williamson, 2018, р. 138–139]. Это снижает значение мысленных экспериментов, хорошо работающих при отыскании контрпримеров. Выбор же между конкурирующими моделями осуществляется по критерию простоты, абдукцией к лучшему объяснению. Подобные приемы, отмечает Уильямсон, встречаются не только в естествознании, но и в математике при оценке предпочтительности той или иной аксиоматики. Поэтому они совместимы с образом кабинетной философии [Williamson, 2018, р. 91]. Уильямсон находит прецеденты такого метода в недавней истории философии, указывая, в частности, на семантические модели Р. Карнапа. Вместе с тем он подчеркивает, что этот метод до сих пор мало обсуждался, и дает понять, что он видит в нем будущее философии [Williamson, 2018, р. 140].

Рассуждения Уильямсона о построении моделей завершают основную часть его ответа на вопрос «Что такое философия?» в книге

«Занимаясь философией», причем здесь он трансформируется в нормативный вопрос «Какой должна быть философия?». Именно раздел о построении моделей является, таким образом, главной теоретической конструкцией его метафилософского проекта. Неудивительно поэтому, что именно эта тема выходит на первый план при рассмотрении перспектив кабинетной философии в статье, написанной Уильямсоном для панельной дискуссии в этом номере журнала. Особенности его статьи и реакций на нее других участников будут рассмотрены в послесловии к дискуссии, эту же статью я завершу констатацией, что современная философия находится на очередном перекрестке своей истории. Пойдет ли она по пути дальнейшего сближения с экспериментальными дисциплинами и растворения в них или найдет ресурсы для сохранения своего уникального кабинетного статуса? Вопрос остается открытым.

Список литературы

- Бессонов, 1989 – Дialeктический материализм / Под ред. Б.Н. Бессонова. М.: Наука, 1989. 398 с.
- Бибихин, 2007 – Бибихин В.В. Язык философии. СПб.: Наука, 2007. 389 с.
- Богомолов, Ойзерман, 1983 – Богомолов А.С., Ойзерман Т.И. Основы теории историко-философского процесса. М.: Наука, 1983. 288 с.
- Делез, Гваттари, 2009 – Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия. М.: Академический проект, 2009. 261 с.
- Карнап – Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: Становление и развитие. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. С. 69–89.
- Кротов, 2017 – Кротов А.А. Архитектоника и доказательства (теория философии Марсиаля Геру) // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2017. № 3. С. 3–17.
- Куайн, 2000 – Куайн У.В.О. Две догмы эмпиризма // Куайн У.В.О. Слово и объект. М.: Логос, 2000. С. 342–367.
- Мамардашвили, 1992 – Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. 2-е изд. М.: Прогресс, 1992. 408 с.
- Мысливченко, Шептулин, 1988 – Мысливченко А. Г., Шептулин А. П. (ред). Дialeктический и исторический материализм. 2-е изд. М.: Политиздат, 1988. 446 с.
- Ойзерман, 2014 – Ойзерман Т.И. Метафилософия (теория историко-философского процесса) // Ойзерман Т.И. Избранные труды в 5 т. Т. 5 / Сост. И.Т. Касавин. М.: Наука, 2014.
- Хайдеггер, 1993 – Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 445 с.
- Baumgarten, 1763 – Baumgarten, A. Metaphysica. Ed. 5. Halae Magdeburgicae: Impensis Carol. Herman. Hemmerde, 1763. 432 pp.
- Block, 2007 – Block, N. Consciousness, Function, and Representation. Collected Papers. Vol. 1. Cambridge: The MIT Press, 2007. 636 pp.

Dennett, 1991 – *Dennett, D.* Consciousness Explained. N.Y.: Back Bay Books, 1991. 511 pp.

Knobe, Nichols, 2008 – *Knobe, J.; Nichols, S.* An Experimental Philosophy Manifesto // *Experimental Philosophy* / Ed. by Knobe, J. & Nichols, S. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. P. 3–14.

Moore, 1942 – *Moore, G.E.* An Autobiography // *Philosophy of G.E. Moore* / Ed. by Schilpp P. A. Evanston and Chicago: Northwestern University, 1942. P. 3–39.

Moore, 2011 – *Moore G.E.* Early Philosophical Writings / Ed. by T. Baldwin & C. Preti. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011. 251 pp.

Overgaard, Gilbert, Burwood, 2013 – *Overgaard, S.; Gilbert, P.; Burwood, S.* An Introduction to Metaphilosophy. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013. 240 pp.

Preston, 2007 – *Preston, A.* Analytic Philosophy: The History of Illusion. London: Continuum, 2007. 190 pp.

Reinhold, 1803 – *Reinhold, K.L.* Beyträge zur leichtern Übersicht des Zustandes der Philosophie bey dem Anfange des 19 Jahrhunderts. Heft 6. Hamburg: bei Friedrich Perthes, 1803. 250 S.

Russell, 2005 – *Russell, B.* A Critical Exposition of the Philosophy of Leibniz. London: Routledge, 2005. 383 pp.

Soames, 2003 – *Soames, S.* Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol. 1. The Dawn of Analysis. Princeton: Princeton Univ. Press, 2003. 411 pp.

Stoljar, 2017 – *Stoljar, D.* Philosophical Progress: In Defence of a Reasonable Optimism. Oxford: Oxford Univ. Press, 2017. 192 pp.

Williamson, 2007 – *Williamson, T.* The Philosophy of Philosophy. Malden: Blackwell Publishing, 2007. 332 pp.

Williamson, 2018 – *Williamson, T.* Doing Philosophy: From Common Curiosity to Logical Reasoning. Oxford: Oxford Univ. Press, 2018. 176 pp.

References

Baumgarten, A. *Metaphysica*. Ed. 5. Halae Magdeburgicae: Impensis Carol. Herman. Hemmerde, 1763, 432 pp.

Bessonov, B.N. (ed.) *Dialekticheskiy materializm* [Dialectical Materialism]. Moscow: Nauka, 1989, 398 pp. (In Russian)

Bibikhin, V.V. *Yazyk filosofii* [Language of Philosophy]. Saint Petersburg: Nauka, 2007, 389 pp. (In Russian)

Block, N. “Consciousness, Function, and Representation”, in: Block, N. *Collected Papers, vol. 1*. Cambridge: The MIT Press, 2007, 636 pp.

Bogomolov A.S., Oizerman T.I. *Osnovy teorii istoriko-filosofskogo processa* [Theory of Historico-philosophical Process in Outline]. Moscow: Nauka, 1983, 288 pp. (In Russian)

Carnap, R. “Preodoleniye metafiziki logicheskimi analizom yazyka” [The Elimination of Metaphysics Through Logical Analysis of Language], in: Gryaznov, A.F. (ed.) *Analiticheskaya filosofiya: Stanovleniye i razvitiye* [Analytic Philosophy: Origins and Development], Moscow: Dom intellektualnoy knigi, 1998, pp. 69–89. (In Russian)

Deleuze, G. & Guattari, F. *Chto takoye filosofiya* [What is Philosophy?]. Moscow: Akademicheskii proyekt, 2009, 261 pp. (In Russian)

Dennett, D. *Consciousness Explained*. New York: Back Bay Books, 1991, 511 pp.

Heidegger, M. *Vremya i bytiye* [Time and Being]. Moscow: Respublika, 1993, 445 pp. (In Russian)

Knobe, J.; Nichols, S. “An Experimental Philosophy Manifesto”, in: Knobe, J. & Nichols, S. (eds). *Experimental Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 2008, pp. 3–14.

Krotov, A.A. “Arhitektonika i dokazatel'stva (teoriya filosofii Marsialya Geru)” [Architectonics and Arguments (Martial Gueroult's Theory of Philosophy)], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*, 2017, no. 3, pp. 3–17. (In Russian)

Mamardashvili, M.K. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How Do I Understand Philosophy?], 2nd ed. Moscow: Progress, 1992, 408 pp. (In Russian)

Moore, G.E. “An Autobiography”, in: Schilpp, P.A. (ed). *Philosophy of G. E. Moore*. Evanston and Chicago: Northwestern University, 1942, pp. 3–39.

Moore, G.E.; T. Baldwin & C. Preti (eds.). *Early Philosophical Writings*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011, 251 pp.

Myslivchenko, A.G. & Sheptulin, A.P. (eds). *Dialekticheskii i istoricheskii materializm* [Dialectical and Historical Materialism], 2nd ed. Moscow: Politizdat, 1988, 446 pp. (In Russian)

Oizerman, T.I. “Metafilosofiya (teoriya istoriko-filosofskogo processa)” [Metaphilosophy (Theory of the Historico-philosophical Process)], in: Oizerman T.I.; I.T. Kasavin (ed.). *Izbrannye trudy* [Selected Writings in 5 vols.], vol. 5, Moscow: Nauka, 2014. (In Russian)

Overgaard, S., Gilbert, P. & Burwood, S. *An Introduction to Metaphilosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013, 240 pp.

Preston, A. *Analytic Philosophy: The History of Illusion*. London: Continuum, 2007, 190 pp.

Quine, W.V.O. “Dve dogmy empirizma” [Two Dogmas of Empiricism], in: Quine W. V. O. *Slovo i obyekt* [Word and Object], Moscow: Logos, 2000, pp. 342–367. (In Russian)

Reinhold, K.L. *Beyträge zur leichtern Übersicht des Zustandes der Philosophie bey Anfaenge des 19 Jahrhunderts*. Heft 6. Hamburg: bei Friedrich Perthes, 1803, 250 S.

Russell, B.A *Critical Exposition of the Philosophy of Leibniz*. London: Routledge, 2005, 383 pp.

Soames, S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century*, vol. 1. *The Dawn of Analysis*. Princeton: Princeton University Press, 2003, 411 pp.

Stoljar, D. *Philosophical Progress: In Defence of a Reasonable Optimism*. Oxford: Oxford University Press, 2017, 192 pp.

Williamson, T. *Doing Philosophy: From Common Curiosity to Logical Reasoning*. Oxford: Oxford University Press, 2018, 176 pp.

Williamson, T. *The Philosophy of Philosophy*. Malden: Blackwell Publishing, 2007, 332 pp.